

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВ: СПЕЦИФИКА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

О. А. Егорова, И. С. Егоров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 16 апреля 2021 г.

Аннотация: рассматриваются особенности использования политологической терминологии при исследовании незападных обществ. Авторы указывают на европоцентричность большинства политологических понятий и уточняют их применение в приложении к исследованию социально-политических процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Делается вывод о том, что при изучении политических процессов в незападных обществах критически необходимо учитывать национальную специфику и реальную парадигму общественных отношений.

Ключевые слова: комплекс политологической терминологии, незападные общества, политическая система, политический процесс, политическое изменение, политическая модернизация, политическое лидерство.

Abstract: the article discusses the features of using political science terminology in the study of non-Western societies. The authors state the Euro centrality of most political science concepts and clarify their application to the study of socio-political processes in Asia, Africa and Latin America. It is concluded that it is critically necessary to consider the national specificity and the real paradigm of social relations while analyzing political processes in non-Western societies.

Key words: complex of political science terminology, non-Western societies, political system, political process, political change, political modernization, political leadership.

При подготовке магистерских и кандидатских диссертаций, научных статей и монографий, составлении учебных курсов, связанных с рассмотрением и анализом как внутривнутриполитических, так и региональных, международных проблем и вопросов в странах Азии, Африки и Латинской Америки, у исследователей часто возникают вопросы, связанные со спецификой использования политологической терминологии при изучении незападных обществ. Цель статьи – проанализировать основные политологические термины в применении к незападным обществам и разработать парадигму синтетических определений, отвечающих особенностям политических процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Актуальность исследования определяется тем, что в XXI в. изучение политических процессов и отношений в развивающихся странах приобретает особую значимость в связи с увеличением влияния этих регионов как на мировую экономику, так и на весь спектр международных отношений. В научной сфере до настоящего времени наблюдался дефицит работ, в которых был бы представлен комплекс политологических терминов, уточненных для изучения политических процессов в незападных обществах. Научная новизна статьи заключается в том, что в оборот впервые вводятся синтетические определения политологиче-

ских терминов на основе анализа теоретических дефиниций отечественных и западных исследователей и политологов, конкретизированные для политических исследований развивающихся стран.

Политология, как и большинство других гуманитарных наук, является европоцентричной дисциплиной. Современный понятийный аппарат политологии формировался на основе анализа социально-политических процессов, протекавших в Европе и Северной Америке.

Развитие политической мысли на протяжении XVII–XIX вв. было связано с европейским континентом и частично с Северной Америкой, что способствовало доминированию европоцентризма в политической науке. Западные ученые, политики и исследователи соглашались, вне зависимости от их идеологических убеждений, что есть один исторический путь развития, который проходят все общества. При этом западные страны уже «в конце пути, а все остальные в начале или в середине» [1, с. 29].

Западные общества, которые даже в Средневековье в значительной мере основывались на фундаменте юридической культуры Древнего Рима, в значительной мере прошли исторический процесс десекуляризации, национального строительства и создания гражданского общества. Их базовые понятия – семья (прежде всего, нуклеарная) и нация. В незападных обществах доминантой самоопределения выступает религия, племенная, клановая и географи-

ческая принадлежность. Кроме того, существуют серьезные экономические различия между большинством западных и незападных обществ. В первых процесс смены экономических стадий проходил постепенно – от аграрного к индустриальному и постиндустриальному – и начался гораздо раньше. Во вторых аграрные и даже собирательные экономические уклады столкнулись с реалиями развитого капитализма и информационной эры. Очевидно, что из-за подобного главенствующего положения западной науки и западных государств многие страны Азии, Африки и Латинской Америки де-юре приблизили свое политическое устройство к западным демократиям. Однако изучать их политические системы, политические процессы и изменения нужно с учетом местной специфики и реального общественного устройства, а не идеалистических конструкций.

Важно отметить и тот факт, что теория политологии, международных отношений, мировой политики в XX в. в своем развитии от либерально-идеалистической парадигмы к неолиберализму, от марксизма к неомарксизму, от реализма к неореализму, постмодернизму, структурализму и другим течениям всегда находилась в зависимости от исторической эпохи, ключевых событий на международной арене или в отдельных регионах. Так, кризис классической либерально-идеалистической парадигмы наступил только после начала Второй мировой войны. В то же время реализм, который господствовал на протяжении эпохи холодной войны на Западе, стал подвергаться заслуженной критике вместе с падением Берлинской стены и распадом СССР, когда США стали претендовать на то, что они смогут выступать мировым судьей, руководствуясь принципами верховенства международного и гуманитарного права. Глобальные, но вместе с тем временные политические процессы находили свое прямое отражение в научной и образовательной среде. Более того, доминировало мнение о том, что есть определенный набор методик и решений, являющийся универсальным благом.

Данная точка зрения в области теоретической политологии начала подвергаться активной критике уже со второй половины XX в., когда в 1954 г. в США был создан Комитет по сравнительной политологии. Одной из исследовательских задач политической компаративистики было сделать акцент на национально-культурной специфике незападного мира. Однако в рамках реальной политики несостоятельность выше приведенной точки зрения пришлось признать в полной мере в XXI в., особенно после катастрофы в Ливии и появления так называемого «Исламского государства» в Сирии и Ираке, запрещенного на территории Российской Федерации. Именно эти политические процессы позволили в значительной мере ускорить изменения в академической и образователь-

ной среде, над которыми работали ученые-компаративисты.

Оказалось, что большинство устоявшихся концепций и методик либо вообще не применимы для незападных обществ, либо работают только в искусственно созданных условиях колоссальных инвестиций, международной помощи, нефтяных богатств. Политологический словарь, который европейцы и американцы привезли в Латинскую Америку, Африку и Азию, был воспринят в этих регионах. Однако первоначальные значения терминов подверглись серьезной трансформации под влиянием местных традиций [2].

Таким образом, основные понятия, которыми обычно оперирует исследователь или преподаватель при рассмотрении политических процессов и явлений, а именно: «политическое развитие», «политическое изменение», «политическая модернизация», «политический процесс», «политическая система», «политическое лидерство» – нуждаются в уточнении, так как изначально были сконструированы для описания процессов и состояний обществ Западной и Восточной Европы и Северной Америки.

Одним из ключевых понятий, которое постоянно используется в современной политологии, является «политическое развитие». Этот термин трактуется через призму разных концепций: как предпосылка экономического роста; классическая для индустриальных и постиндустриальных обществ политика; модернизация («вестернизация»); действия нации-государства; совершенствование административной и правовой систем; расширение массовой мобилизации и участия [3, с. 329–332]. В рамках исследования незападных обществ «политическому развитию» наиболее точно подходит определение, синтезированное авторами данной статьи на основе ряда работ современных политологов Дж. Коулмана, Л. Пая и А. Хиршмана: «политическое развитие» – «сочетание процессов структурной дифференциации, возрастающей потребности в равенстве и расширении интегративной, адаптивной, ответственной функций политической системы», при котором «в качестве критического фактора рассматривается соотношение между институциональными возможностями системы и потребностями граждан, которые они выражают своим политическим участием» [там же, с. 333]. Это определение учитывает «потребности граждан», т. е. степень их заинтересованности в политике, политическом участии, модель их политического поведения. Таким образом, в незападных обществах, где большая часть населения исповедует подданническую модель политического поведения, смену монархического правления на республиканское нельзя однозначно назвать «политическим развитием» в рамках данного подхода. Л. Пай еще в середине XX в. отмечал в сво-

ей классической работе «Незападный политический процесс», что структурная дифференциация, демократизация должны совпадать с ростом потребностей в политическом участии обычных граждан, с развитием гражданского общества, иначе можно говорить только об «имитационном» политическом развитии [4]. Так, например, в Китае в 1912 г. была упразднена монархия и создана Китайская республика, однако никаких качественных преобразований в рамках политического развития не произошло: население воспринимало нового президента республики как императора. Создание республики было продиктовано внешними факторами, а не потребностями граждан в расширении политического участия. Кроме того, политическое развитие должно способствовать быстрому социально-экономическому росту, если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе [5].

Термин «политическое изменение» является одним из основных и базовых в теории современной политологии. Он тесно связан с понятием «политического развития», но может характеризовать стационарные процессы, в ходе которых даже масштабные политические изменения не приводят к реальному нарушению статус-кво. Таким образом, «политическое изменение» – это количественное понятие, а «политическое развитие» – качественное. В западных обществах мы чаще всего сталкиваемся именно с политическими изменениями: перевороты, путчи, перераспределение баланса сил между различными государственными институтами. Представляется, что если в западных обществах переход от авторитарного правления к демократическому это, как правило, «политическое развитие», то в странах Азии, Африки и Латинской Америки это чаще всего «политическое изменение», так как меняются название и риторика власти, но не происходит долгосрочных институциональных изменений, к которым общество еще не готово, о чем в своих работах пишет авторитетный историк и политолог А. Л. Емельянов, например, в статье «Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте» [6]. Этот тезис хорошо иллюстрируют и страны Латинской Америки, где авторитарные правители сменяются народно-избранными и популярными, которые потом опять становятся диктаторами, упраздняя реальные политические свободы, выборы и институты.

Еще одним наглядным примером служит история политических изменений в Ираке, где экспортная и неадаптированная западная демократия доказала свою несостоятельность. Причиной этому послужили отсутствие политических институтов, гражданского общества и слабая вовлеченность граждан в политику. Кроме того, классическая модель «политического развития» не учитывала возможность существо-

вания обществ, где основные противоречия заключаются в разнообразии национального и религиозного состава населения (курды и арабы, арабы и персы, сунниты и шииты).

Наиболее высокий авторитет, проверенный временем, имеет концепция политической модернизации С. Хантингтона. Он говорил о «политической модернизации» как о процессе, включающем «рационализацию власти, дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур, повышение уровня политического участия» [7, с. 228]. Вместе с тем для восточных обществ свойственна нерациональная картина мира, а политическая культура – как культура диалога и спора в ее классическом западном понимании – отсутствует. Поэтому политической модернизации в западных обществах должны предшествовать долгий экономический рост и общая «европеизация» [8]. В противном случае ее достижения будут носить временный характер. Показателен пример современной Турции, где с начала XXI в. происходят десекуляризация общества и расширение возможностей авторитарного правления. Фактически имеет место ревизия тех общественных достижений, которые были заложены в основу новой республики Мустафой Кемалем Ататюрком в 20–30-е гг. XX в.

Таким образом, под политической модернизацией в западных обществах стоит понимать «рационализацию власти, повышение эффективности работы государственного аппарата» [3, с. 174].

При рассмотрении термина «политический процесс» следует отметить, что у него есть микро- и макроуровни. Современные исследователи утверждают, что изучать политические процессы нужно также с точки зрения структурно-динамического анализа, конфликтологии, бихевиоризма. Синкретическое определение, подходящее для целей исследования западных обществ, дает Г. Т. Тавадов: «Политический процесс – совокупная деятельность субъектов политики, благодаря чему обеспечивается функционирование и развитие политической системы» [9, с. 214]. «Политический процесс» характеризуется сочетанием статических и динамических показателей, количественных и качественных изменений. Необходимо отметить, что в западных обществах прослеживается выраженное превосходство количественных показателей. При этом итоги этих процессов оказываются ближе к политическим изменениям, но не развитию или реформам [4]. Здесь особенно репрезентативными выступают страны Латинской Америки, где на протяжении XX в. в большинстве государств несколько раз сменились политические режимы и идеологии. Однако качественные показатели: сила общественных институтов и гражданского общества, вовлеченность людей в политику, политическая грамотность, адаптивные возможности

политической системы – оставались на низком уровне, что предоставляло возможность новому лидеру, даже пришедшему к власти полностью демократическим путем, трансформировать режим в сторону авторитаризма и диктатуры.

«Политическая система» – термин, имеющий множество коннотаций. Древнегреческие философы – Платон и Аристотель – говорили о том, что человеческий организм напоминает общество в миниатюре [10], и, следовательно, процессы, протекающие в обществе, так же логичны и упорядочены [11]. Однако широкое применение в политологии системный подход нашел только в начале 1950-х гг., когда ученые американской школы – Д. Истон, Г. Алмонд и Т. Парсонс – разработали собственные концепции в этой области [12]. Определение, которое Д. Истон дал «политической системе»: «Политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитетным способом привносятся в общество; это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем. Окружение политической системы можно разделить на две части: интрасоциетальную и эктрасоциетальную...» [там же, с. 319] – является блестящим общетеоретическим обобщением. Однако при рассмотрении незападных обществ авторы статьи предлагают использовать более конкретизированное определение, которое приводит А. Ю. Мельвил: «Политическая система – объективно существующая реальность. Это политическая сфера в полноте и множестве своих взаимодействий, совокупность общественных отношений по поводу политической власти, которая не может быть сведена к простой сумме действий политических акторов» [3, с. 117]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в незападных обществах основными элементами политической системы часто выступают не партии и социальные классы, а племенные отношения и традиционные институты взаимодействия по линии власть–общество, т. е. победы политических партий в странах Азии, Африки и Латинской Америки обеспечиваются договоренностями с племенными вождями, старейшинами, главами общин, тейпов, картелей. Таким образом, важно анализировать и иметь в виду реальную политическую систему, а не искусственно созданную конструкцию, которая повторяет очертания западных демократий.

Современная политическая теория уделяет большое внимание феномену «политического лидерства». Политическое лидерство понимают в зависимости от аспекта, который исследователь считает ключевым: как власть, благодаря которой отдельные члены общества приводят в движение все общество целиком; отношения между людьми в обществе, где один ин-

дивид или одна группа индивидов доминирует над другими; особого вида «политическое» предпринимательство. Наиболее кратко и обобщенно политическое лидерство можно определить как «основанный на авторитете персонифицированный способ самоорганизации общественной жизни» [13, с. 76]. Важно отметить и тот факт, что политическое лидерство бывает формальным и неформальным. Первое связано с занятием официальных должностей, второе – с огромным реальным влиянием на общество и элиты.

Более того, политическое лидерство приобрело особое значение в XX–XXI вв., когда резко выросла политическая вовлеченность граждан, их желание и возможность быть участниками, а не наблюдателями политических процессов, что связано с экономическими и социальными преобразованиями, быстрой урбанизацией и глобализацией, распространением радио, телевидения, мобильной связи и Интернета [14]. Представляется, что скорость и относительная повсеместность данных процессов создали некоторую иллюзию, что принципиальные аспекты политического лидерства на Западе совпадают с политическим лидерством на Востоке, в Африке, странах Латинской Америки. Исследователю политических процессов в незападных обществах следует понимать основные различия в источниках политического лидерства. Так, например, если углубиться в специфику политического лидерства в странах Азии и Африки во второй половине XX – начале XXI в., то нельзя не отметить исключительную роль политических лидеров, так как другие общественные институты практически отсутствовали: политические элиты были слабы и зачастую дискредитированы сотрудничеством с метрополиями, не имели реального влияния на население; гражданское общество не было сформировано. Более того, горизонтальные и вертикальные связи внутри общества и политической системы были незначительны, так как борьба с ними была распространенной практикой колонизаторов; демократическим институтам только предстояло сформироваться и завоевать общественное уважение и признание. Политический лидер был призван решить не только вопросы развития страны, гражданской самоидентификации, но и заменить собой все остальные политические институты, преодолеть стереотипы монархического мышления, обеспечить переход к обществу с национальными политическими, финансовыми и промышленными элитами [15].

Заметим, что монархическое мышление – это европоцентричное понятие, тем не менее в различных вариациях оно зачастую гораздо более характерно для восточных стран, где может принимать формы традиционного или религиозного мышления.

Таким образом, аппарат классической политологии не может быть прямо экстраполирован на неза-

падные общества, где парадигма общественных отношений выстроена на принципиально иных началах. Представленные в данной статье синтетические и уточненные определения в значительной мере отвечают задачам изучения политических процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Главное отличие, которое прослеживается в каждом из конкретизированных определений, заключается в учете базисных различий между западными и незападными обществами, которые не могут быть преодолены в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А. И. Политология : политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект пресс, 2001. – 559 с.
2. Виноградов А. В. Государственно-политические «коды» Востока и Запада / А. В. Виноградов // Международные процессы. – 2006. – Т. 4, № 1 (10). – Январь–апрель. – С. 333–355.
3. Мельвиль А. Ю. Политология / А. Ю. Мельвиль. – М. : Проспект, 2011. – 398 с.
4. Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 66–86.
5. Егорова О. А. Специфика формирования личности Мухаммеда VI как современного лидера и реформатора Марокко / О. А. Егорова, И. С. Егоров // Политика и общество. – 2018. – № 11. – С. 19–28.
6. Емельянов А. Л. Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте / А. Л. Емельянов // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 142–163.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : Росспэн, 2003. – 775 с.
8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 452 с.
9. Тавадов Г. Т. Политология : учеб. пособие / Г. Т. Тавадов. – М. : Фаир-пресс, 2000. – 416 с.
10. Платон. Политик или о царской власти / Платон. – М. : Альфа-книга, 2018. – 219 с.
11. Аристотель. Политика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2015. – 160 с.
12. Василик М. А. Категории системного анализа политики / М. А. Василик // Политология : хрестоматия. – М. : Гардарика, 2000. – С. 319–331.
13. Козырев Г. И. Политология : учеб. пособие / Г. И. Козырев. – М. : Форум : ИНФРА-М, 2009. – 368 с.
14. Егорова О. А. Феномен харизматического лидерства в постколониальный период в странах Азии и Африки / О. А. Егорова, И. С. Егоров // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2017. – № 2. – С. 132–141.
15. Ашин Г. Г. Политическое лидерство : оптимальный стиль / Г. Г. Ашин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 9–25.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Егорова О. А., кандидат культурологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения

E-mail: egorovaolga29@mail.ru

Егоров И. С., аспирант Института стран Азии и Африки

E-mail: egorov.igor.rtl@mail.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Egorova O. A., Candidate of Cultural Studies, Associate
Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area
Studies*

E-mail: egorovaolga29@mail.ru

*Egorov I. S., Post-graduate Student of the Institute of
Asian and African Studies*

E-mail: egorov.igor.rtl@mail.ru